

На главной улице по-прежнему было многолюдно, и этот шумный праздник разительно отличался от недавней тишины.

Всего миг, и кинжал мог бы перерезать горло.

Опасно! Как же опасно!

Шэнь Аньгэ никак не могла прийти в себя, когда Юнь Чжи, купив разных лунных лепешек, протянула их ей.

— Барышня, вы всегда любили лакомства с ароматом цветов. Вон там продают лунные лепешки с лепестками, попробуйте?

Шэнь Аньгэ оставалась неподвижной. Чжао Чжиинь, которой это показалось странным, подошла к ней и щелкнула по лбу.

Раздался тихий вскрик:

— Ой!

— Чжиинь, ты зачем меня бьешь?

Чжао Чжиинь склонила голову набок:

— А сама как думаешь? Душа в пятки ушла? Юнь Чжи тебе лепешки купила, а ты и не видишь?

Шэнь Аньгэ опустила взгляд и увидела Юнь Чжи, которая с надеждой протягивала ей коробку.

...Она правда не специально.

Толпа впереди начала сгущаться. Оглядевшись, Шэнь Аньгэ поняла, что началось шествие в честь праздника Луны. Чжао Чжиинь схватила её за руку и потянула вперед, а Шэнь Аньгэ, в свою очередь, подхватила Юнь Чжи, и они встали у края дороги.

Восемь человек, неся огромный фонарь в форме луны, медленно вывернули из-за угла. За ними следовали люди с фонарями всех цветов и оттенков. Праздничная процессия, подобно полноводной реке, текла под светом луны.

Цветки Лунного божества, осыпавшиеся с деревьев вдоль улицы, кружились на ветру, заполняя собой всю улицу Юннин.

Вскоре лепестков стало так много, а их аромат — таким густым, что он полностью перекрыл тяжелый запах крови, доносившийся из переулка.

Под звуки цитры на бумаге окна проступило пятно крови, а затем послышался глухой стук падающего тела.

Поверженный наемник с огрубевшим лицом и длинным шрамом на надбровной дуге был тем самым здоровяком, что пытался убить его в переулке.

Гу Цин наступил сапогом на грудь наемника, присел и выудил из его одежды окровавленное тайное послание.

Развернув его, он прочел строки, и в его холодных глазах мелькнула ярость:

— Значит, у меня под боком и правда завелся предатель, который сговорился с этим идиотом.

Он сжал пальцы, и послание величиной с ладонь превратилось в клочья, которые разлетелись по ветру.

Гу Цин пнул труп, осмотрел его, сорвал с пояса жетон, взглянул на него при лунном свете и повесил себе на пояс. Если считать этот, у него набралось уже больше десятка.

Дверь была приоткрыта. У стены, неестественно вывернувшись, лежал залитый кровью толстяк.

Две четверти часа назад он стоял у этой самой двери, насмехаясь над Гу Цином, а сидя в кресле и помахивая веером, предрекал ему смерть. Теперь же, с переломанными руками и ногами, он лежал в луже крови, не в силах ни пошевелиться, ни позвать на помощь.

Все мастера, скрывавшиеся в этой усадьбе, были перебиты!

Гу Цинъюнь, князь Наньань, живший в городе Чанъюань, приходился Гу Цину двоюродным братом. Он обожал вино и женщин, и эта усадьба, расположенная вдали от шумного центра, служила ему местом для содержания наемников и наложниц.

В глазах Гу Цинъюня смешались ненависть и ужас. Он беспомощно смотрел, как темноволосый юноша добывает последнего хрипящего наемника, а затем, ступая по телам, уверенной походкой направляется к нему. Юноша остановился и наклонился.

— Все, кого ты послал, теперь здесь.

Прядь волос у виска намочила от крови и, стекая по лбу, капнула на бровь, придавая его бледному лицу пугающую, болезненную красоту.

Он разжал пальцы, и десяток жетонов с мелодичным звоном упали к ногам Гу Цинъюня. Гу Цин улыбнулся совершенно невинной улыбкой:

— Пересчитаешь?

Это вывело Гу Цинъюня из себя. Его затрясло, и от ярости он начал захлебываться кровавой пеной.

— Ты... ты все это время притворялся? Почему...

Гу Цин не спеша вытер кровь с рук о его одежду. Лишь когда она стала чистой, он с интересом ответил:

— Почему я, будучи таким искусным бойцом, позволял тебе мучить меня?

Он словно вспомнил что-то забавное и рассмеялся:

— Лучший охотник всегда прикидывается добычей. Иначе как поймать того, кто тебе нужен? Охота требует терпения и планирования.

Гу Цинъюнь широко раскрыл глаза — всё встало на свои места.

Гу Цин был готов поставить на кон собственную жизнь, чтобы стать самым безжалостным охотником. Теперь он понял, почему тот, кто сидит во дворце, так его боится.

— Э-это не я... — Гу Цинъюнь хотел жить. Он из последних сил пытался оправдаться, но из горла вырывались лишь обрывки слов.

Юноша насмешливо улынулся:

— Конечно, я знаю, что зачинщик не ты. Ты слишком глуп, годишься лишь на то, чтобы быть чьим-то псом.

Гу Цин открыл дверь. Наложница, игравшая на цитре, вздрогнула, промахнулась по струне, и музыка резко оборвалась.

Улыбка Гу Цина была пугающе ласковой:

— Продолжай играть.

Играть! Конечно, она будет играть! Иначе — смерть!

Гу Цин подошел к ней и, не обращая внимания на то, что она играет, провел кинжалом по струнам. Раздался резкий звон — струна лопнула.

Кинжал полоснул наложницу по горлу, и она тут же рухнула на пол.

Гу Цинъюнь запаниковал. Он начал раскаиваться и, дрожа, пробормотал:

— Раз уж ты все знаешь... пощади меня... я... я сделаю вид, что тебя здесь никогда не было.

В лунном свете, стоя по колено в крови, с мертвенно-бледным лицом, контрастирующим с алыми пятнами, Гу Цин безразлично усмехнулся:

— О, мне что, еще и поблагодарить тебя? Ты кое-что перепутал: я пришел сегодня только ради того, чтобы убить тебя.

Гу Цинъюнь, захлебываясь кровью, прохрипел:

— Не... не надо... я расскажу все, что знаю.

— Кто та женщина?

Гу Цинъюнь остолбенел:

— Какая... женщина?

— Твои люди только что ушли, и тут появилась она. Не скажешь же, что это совпадение?

К тому же, какая обычная женщина осмелится зайти в темный переулок?

— Я уж было подумал, что ты поумнел и научился пользоваться людьми.

Он прищурился, глядя на Гу Цинъюня:

— Только не говори, что это была случайность?

Все, кто появлялся рядом с ним, хотели либо его самого, либо его смерти. В любом случае, они хотели его гибели. И никто, никогда не пытался его спасти.

Заметив, что Гу Цин смотрит на него ледяным взглядом, Гу Цинъюнь задрожал и заскулил:

— Я правда... правда не знаю, кто эта женщина! Не вру! Честное слово!

В его глазах не было лжи.

Неужели... её появление и правда было случайностью?

Он на мгновение потерял бдительность.

И тут один из наемников, который еще секунду назад казался мертвым, внезапно открыл глаза и, собрав последние силы, метнул в Гу Цина булаву!

Тело Гу Цина среагировало быстрее разума — он инстинктивно вскинул кинжал для защиты.

Раздался звон металла, высекая искры.

Гу Цин услышал хруст в собственном запястье, кинжал вылетел из руки и вонзился в наемника. Тот застыл с широко раскрытыми глазами. Присмотревшись, можно было заметить тонкую красную полоску на его шее. Наемник рухнул на землю, испустив дух.

Гу Цин нахмурился. Из-за минутной потери бдительности он позволил ранить себя. Он потряс правой рукой — она не чувствовала ничего и безжизненно висела вдоль тела.

Поняв, что запястье его не слушается, он с любопытством изучил его и пришел к выводу:

— Хм, вывих.

Он схватил распухший сустав и дернул. Раздался щелчок — кость встала на место.

Все это время Гу Цин даже не моргнул, словно деревянная кукла, лишенная чувства боли, продолжавшая сражаться вопреки увечьям.

Он взглянул на расширенные от ужаса глаза Гу Цинъюня, наклонился и здоровой левой рукой поднял тело наемника. Двухсоткилограммовую тушу он легко, будто пушинку, бросил напротив Гу Цинъюня.

Казалось, чего-то не хватало. Потерев подбородок, он поправил тело так, чтобы они сидели лицом друг к другу, вложил в руку наемника булаву, а в руку Гу Цинъюня сунул короткий нож.

Глаза Гу Цинъюня были полны страха и непонимания, но вскоре он осознал замысел Гу Цина.

— Наемники князя Наньань, не выдержав гнета, подняли бунт, пытаюсь захватить хозяина и сбежать. В ходе кровавой схватки наемники и их господин погубили друг друга...

Гу Цин улыбнулся:

— Кузен, тебе нравится мой талант сочинителя? Как тебе такой финал?

Подсвечник на столе упал, и пламя осветило его худое, красивое лицо. Гу Цинъюнь, словно увидев перед собой демона, отчаянно задержался, пытаюсь уползти.

Но его сухожилия были перерезаны.

Он не мог даже выронить нож, которым его подставляли.

Гу Цин наслаждался выражением отчаяния, которое постепенно гасло в его осознанном взгляде.

Огонь начал пожирать занавески, мгновенно охватывая всю комнату. У ворот княжеской усадьбы Гу Цин смотрел на бушующее пламя, и его улыбка была прекрасной и пугающей одновременно.

<http://bllate.org/book/18485/1773596>